

Конституционное право

УДК 342.4

JEL: K30

КОСТЫЛЕВА Елена Дмитриевна

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет правосудия», Новочеремушкинская ул., 69, Москва, 117418, Россия.

<https://orcid.org/0000-0003-2481-0887>

Костылева Елена Дмитриевна, кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник направления конституционно-правовых исследований Центра исследования проблем правосудия; доцент кафедры «Правоведения» МГТУ им. Н.Э. Баумана. Москва, Россия.

E-mail: helen161969@rambler.ru

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РФ И ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА: ОБЩИЕ ПОДХОДЫ И РАЗЛИЧИЯ В ПОНИМАНИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД

Аннотация

Предмет/тема. Предметом исследования являются нормативные правовые акты, судебная практика Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека по конституционному ограничению прав и свобод.

Цели/задачи. Целью исследования является комплексный анализ позиций Конституционного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека, выявление разногласий в вопросах толкования норм, касающихся конституционного ограничения прав и свобод.

Методология. Методологическую основу исследования составляют: всеобщие методы познания; общенаучные методы, включающие в себя системный и логический метод, а также анализ, синтез и аналогию; частнонаучные методы, такие как метод сравнительного правоведения и формально-юридический метод.

Вывод. Исследование позволило выделить общие условия, критерии, основания ограничения прав и свобод человека в России и стран-членов Совета Европы. Показало некоторые различия в понимании конституционного ограничения прав и свобод в анализируемых правовых позициях Конституционного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека, несмотря на то, что в основе Конституции РФ и Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод лежат общие базовые ценности. Формулирование правовых позиций Конституционного Суда РФ основано на соразмерности и необходимости ограничений конституционно признаваемым целям и сохранении сути и реального содержания права. Европейский Суд по правам человека рассматривает законность ограничения прав и свобод с позиции наличия оснований и соблюдения порядка в национальном законодательстве и с точки зрения соответствия статье 5 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Ключевые слова: свобода, безопасность, ограничение прав и свобод, Конституционный Суд РФ, Европейский Суд по правам человека, Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод.

Constitutional law

Elena D. Kostyleva, candidate of law, associate Professor senior researcher of the direction constitutional and legal studies Center for justice research Russian State University of Justice», Associate Professor, Department of Jurisprudence, MSTU N.E. Bauman, Moscow, Russia.
E-mail: helen161969@rambler.ru

CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS: GENERAL APPROACHES AND DIFFERENCES IN UNDERSTANDING THE CONSTITUTIONAL LIMITATION OF RIGHTS AND FREEDOMS

Abstract

Subject/theme. The subject of the research is normative legal acts, judicial practice of the Constitutional Court of the Russian Federation and the European Court of Human Rights on the constitutional restriction of rights and freedoms.

Goals/objectives. The purpose of the study is a comprehensive analysis of the positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the European Court of Human Rights, the identification of disagreements on issues of interpretation of the norms relating to constitutional restriction of rights and freedoms.

Methodology. The methodological basis of the research consists of: General methods of cognition; General scientific methods, including the system and logical method, as well as analysis, synthesis and analogy; private scientific methods, such as the method of comparative law and formal legal method.

Conclusion. The study made it possible to identify general conditions, criteria, and grounds for restricting human rights and freedoms in Russia and the member states of the Council of Europe. It showed some differences in understanding the constitutional restriction of rights and freedoms in the analyzed legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the European Court of Human Rights, despite the fact that the Constitution of the Russian Federation and the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms are based on common basic values. The formulation of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation is based on the proportionality and necessity of restrictions on constitutionally recognized goals and the preservation of the essence and real content of the law. The European Court of Human Rights considers the legality of restricting rights and freedoms from the standpoint of the existence of grounds and respect for order in national law and in terms of compliance with Article 5 of the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms.

Keywords: *freedom, security, restriction of rights and freedoms, Constitutional Court of the Russian Federation, European Court of Human Rights, European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms.*

Проблема конституционного ограничения прав и свобод в контексте безопасности, личной неприкосновенности человека является одной из самых актуальных проблем современности. Право на свободу и личную неприкосновенность, закреплённое в статье 22 Конституции РФ,

является одним из фундаментальных и неотчуждаемых прав человека, которое принадлежит ему от рождения, не зависит от принадлежности к гражданству государств и дает ему возможность действовать в соответствии со своей волей, сохраняя при этом нравственно-духовную ценность личности.

Традиционно свобода взаимосвязана со статусом человека, его взаимоотношением с окружающим миром. Свобода человека, подразумевает возможность самостоятельно определять свои поступки, возможность распоряжаться своим временем. Право на свободу подразумевает саму свободу, как возможность совершать любые правомерные действия [1].

Понятие «свобода» как категория имеет различные грани: свобода слова, свобода мысли, свобода выбора, свобода личности и т.д., в зависимости от уровня отношений между личностью и обществом. Абсолютной свободы личности не может быть в принципе, если человек живет в социуме. Физическая, нравственная, психологическая, индивидуальная свобода человека означает степень дозволенности его действий в процессе жизнедеятельности, не ущемляющей интересы общества. Свобода человека одновременно налагает на него ответственность, выдвигая в рамках общественных отношений определённые ограничения, в пределах которых он считается свободным.

В неразрывной связи с правом на свободу находится личная неприкосновенность человека, эти понятия взаимодополняют друг друга, но не совпадают. Неприкосновенность личности - принцип, согласно которому недопустимо вмешательство в личное пространство человека, физическое, психическое, духовное.

Проблему пределов свободы человека в целом можно рассматривать как проблему правовых ограничений. Ограничение свободы следует понимать, как установленный законодательством предел реализации человеком его прав и свобод, который находит своё выражение в запретах, которые служат обеспечением необходимого баланса между интересами личности, общества и государства. Формально-юридическое значение конституционных основ ограничения прав и свобод, в том, что они выражают концепцию определения границ свободы человека. Обеспечение подлинной свободы личности возможно только при полноценной реализации конституционных основ ограничения прав и свобод человека, в действующем законодательстве конкретного государства, соответствующим нормам международного права.

Основополагающие законодательные акты стран-членов Совета Европы содержат нормы, регулирующие свободу и личную неприкосновенность и нормы об ограничении прав и свобод (например, п.2 ст. 2 Основного закона ФРГ, п. 3 ст. 5 Конституции Греции).

Одним из определяющих признаков понятия ограничения права, является установление пределов свободы личности, а целью является

достижение компромисса между интересами личности, общества и государства.

Критерием ограничения свободы необходимо рассматривать крайнюю необходимость, обусловленную невозможностью иным способом защищать правоохраняемые блага, при соблюдении соразмерности вводимых ограничений.

Следовательно, причиняемый вред должен быть меньше, чем предотвращаемый вред, то есть должна соблюдаться разумная достаточность мер государственного ограничения прав и свобод человека.

Безопасность – это степень защищённости жизненно важных интересов человека от внутренних и внешних угроз, а также она является показателем уровня зрелости и устойчивого развития правового государства [2]. Безопасность и свобода – основа человеческого развития, а также общества и государства. Набор конституционных свобод имеет свой смысл и легитимность только как часть системы безопасности. Понятия свобода, безопасность, неприкосновенность личности взаимообусловлены и неотделимы друг от друга, но важнейшее значение все же имеет свобода.

Нравственность обуславливает основу развития личности и общества, предполагает соблюдение человеческого достоинства, чести, справедливости, приверженность правде, доброте и гуманности, законопослушание, национальную и религиозную толерантность. Она несовместима со стремлением к господству, с угнетением, коррупцией, криминальностью, с ложью и обманом общественности, с эгоизмом.

Нравственность и безопасность теснейшим образом взаимосвязаны. Понятие нравственности можно определить как совокупность обязательных велений, присущих совести человека, управляющих его волей и деятельностью с целью не нанесения ущерба собственной репутации, своей чести, достоинству, интересам общества. В основе нравственности лежат традиции и обычаи, которые сформировались в течение продолжительного времени у какого-либо народа, проживающего на определённой территории.

Общественная нравственность образует определённую сферу, противостоящую существованию в обществе угроз и проявлений наиболее распространенных человеческих проступков и преступлений, отвечает за ограждение людей от столкновения с ними в повседневной жизни.

Многие конституции стран-членов Совета Европы содержат нормы об ограничении прав и свобод. Например, в статье 116 Конституции Латвии установлено, что: «права личности, могут быть ограничены в предусмотренных законом случаях в целях защиты прав других людей, демократического устройства государства, общественной безопасности,

благополучия и нравственности»¹.

Положения о поддержании и обеспечении общественной безопасности нашли непосредственное отражение во многих европейских конституциях, преследуя цели охраны прав личности, государствами устанавливается возможность ограничения свободы граждан в строго оговоренных законом случаях и с соблюдением предписанных процессуальных процедур.

Таким образом, понятие безопасности, становясь все более широким, в то же самое время все больше конкретизируется. В законодательстве многих стран мира оно до сих пор не закреплено. Безопасность лежит в основе ограничения свобод человека и диктуется необходимостью уважения нормального функционирования общества и государства. Однако любые ограничения допустимы в том случае и в той мере, в каких они предусмотрены в конституциях.

Способы конституционных ограничений прав и свобод разнообразны, их можно разделить на две группы. Первая включает общие оговорки (генеральные клаузулы), когда ограничения связаны с защитой прав и свобод всего общества, например, Конституция Республики Польша в п.3 статьи 31 устанавливает, что: «Ограничения в области пользования конституционными свободами и правами могут быть установлены только в законе и только тогда, когда они необходимы в демократическом государстве для его безопасности или публичного порядка либо для охраны окружающей среды, здоровья и публичной морали или же свобод и прав других лиц»².

Вторая группа содержит конкретные ограничения, относящиеся к определённым правам и свободам. Например, «Место жительства и место пребывания неприкосновенны. Никто не может без разрешения лица проникать в его место жительства или в место пребывания или оставаться в нем» (п.1 ст. 27 Конституции Румынии)³. «Свобода и тайна корреспонденции и других сообщений неприкосновенны» (п.1 ст. 34 Конституции Республики Болгарии)⁴.

Есть конституции, в которых, при определении ограничений свободы, существуют отсылки к закону, который четко устанавливает для законодателя задачи и пределы регулирования соответствующих отношений и основные содержательные положения этого регулирования. Практически во всех конституциях предусмотрена возможность

---

¹ Конституция Латвийской Республики Izdevējs: SatversmesPublicēts: SapulceLatvijasVēstnesis, 43, Veids: likums 01.07.1993.<https://worldconstitutions.ru/?p=116>

² Конституция Республики Польша от 2 апреля 1997 г. <http://mspa7520.ru/konstitucija-respubliki-polsha>

³ Конституция Румынии от 21 ноября 1991 года <https://legalns.com/download/books/cons/romania>.

⁴ Конституция Республики Болгария от 12 июля 1991 г. <https://legalns.com/download/books/cons/bulgaria>.

ограничения прав и свобод, которые могут помешать восстановлению порядка при чрезвычайных обстоятельствах, но такие действия носят временный характер. При особых правовых режимах может рассматриваться как приостановление прав.

В основном приостановление прав выражается как временное ограничение реализации права или исключительный способ реализации ограничения (например, Румыния), как принудительная мера, применяемая к нарушителям закона, имеется ввиду невозможность, по решению суда осуществлять права на протяжении определенного периода времени (например, Молдова), как лишение утрата конкретного права на определенное время (Германия). Ограничение права применяется в основном в мирное время, а приостановление права при чрезвычайном или военном положении.

Конституция Испании не содержит института ограничения основных прав, а позволяет их приостановление согласно статье 55 они: «могут быть приостановлены в случае объявления чрезвычайного или осадного положения в соответствии с условиями, предусмотренными Конституцией»¹.

Ограничение свободы человека может быть обосновано не только самой конституцией. Например, в Чехии конкретизация прав и свобод, а также их ограничение предусмотрены не только конституцией, но и Хартией основных прав и свобод Чехии (Чешской Республики) от 9 января 1991 года.

Анализ конституций стран-членов Совета Европы позволил выделить общие основания ограничения свободы человека, это - пределы реализации свободы человека, обеспечивающие соблюдение баланса между интересами человека, общества и государства.

Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод (далее Конвенция) содержит требования о том, чтобы любые ограничения прав не только преследовали правомерную цель, но и были основаны на законе, т.е. формально закреплены и четко описывали условия ограничения для того, чтобы каждый мог предвидеть, в каких именно ситуациях его поведение будет нарушать действующие нормы [3].

Согласно статье 5 Конвенции: «Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность»². Провозглашая право на свободу, эта статья имеет в виду личную свободу, в то же время определяет случаи и условия лишения свободы с целью поддержания правопорядка, требующие наказания лиц совершивших те или иные правонарушения. Под «лишением свободы» понимаются все формы задержания, ареста, помещения под стражу, которые изолируют человека от общества,

---

¹Конституция Королевства Испания от 27 декабря 1978 года <https://legalns.com/download/books/cons/spain>.

²Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 года и Протоколы к ней // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

нарушают его право на свободное передвижение.

Определяя степень лишения свободы необходимо учитывать такие основания как вид, продолжительность, условия и последствия ареста и заключения под стражу. Конвенция, гарантируя защиту физической свободы лица от произвольного ареста или заключения под стражу, рассматривает лишение свободы и задержания только в случаях, перечисленных в статье 5. Следовательно, государства-участники Конвенции не имеют право создавать свои основания для задержания и должны действовать в пределах, установленных Конвенцией.

Для того чтобы лишение свободы соответствовало Конвенции, оно должно отвечать двум условиям: законности и правомерности. Поэтому национальным судебным органам предусмотрено толковать внутреннее право справедливо и правомерно, соблюдая общие принципы, соответствующие Конвенции, то есть лишение свободы должно соответствовать цели, предусмотренной одним из случаев 5 статьи. Согласно Конвенции, каждый человек, находящийся на свободе или заключенный под стражу, имеет право на защиту, если он арестован или заключен под стражу, имеет право пользоваться различными гарантиями согласно пунктам 2-5 Конвенции в той мере, в какой они принимаются во внимание» (Weeks, 40).

Европейский Суд по правам человека (далее Европейский Суд) подчеркивает важность статьи 5 в системе Конвенции, считая, что: «в ней закреплено основное право человека, а именно защита каждого от произвольного вмешательства Государства в его право на свободу» (Aksoy, 76).

В своих решениях по ряду дел, в том числе по делу *Altun v Turkey* (2004 г.), Европейский Суд четко выразил мысль о том, что понятие личной неприкосновенности согласно статье 5 нельзя толковать обособленно от права на свободу. Суд отметил, что статья 5 главным образом касается защиты от произвольного лишения свободы.

Европейский Суд в своих решениях отмечал, что: «любое лишение свободы должно осуществляться не только в соответствии с основными процессуальными нормами национального права, но также отвечать целям статьи 5, т.е. защищать человека от произвола властей. Это настоятельное требование по защите лица от любого рода злоупотреблений со стороны властей подтверждается тем фактом, что статья 5 п. 1 ограничивает обстоятельства, при которых человек может быть лишен свободы на законных основаниях, хотя эти основания нельзя толковать расширительно, поскольку они являются исключениями из фундаментальных гарантий личной свободы человека»¹ (Kurt, 122).

Европейская Конвенция предусматривает шесть случаев исключения из права на личную свободу и неприкосновенность.

---

¹URL: <http://europeancourt.ru/tag/statya-5-konvencii/>

Первое, это «законное содержание лица под стражей после осуждения компетентным судом», имеется ввиду лишение свободы только по приговору суда, с применением уголовно-правовой санкции.

Комплекс прав, закреплённых в Конвенции служит сведению к минимуму опасности произвола, устанавливая, что лишение свободы должно находиться под независимым судебным контролем и сопровождаться ответственностью властей за свои действия, в этом видится защита человека от произвольного лишения свободы. Суд должен мотивировать назначение наказания в виде лишения свободы. Если санкция уголовного закона предусматривает и другие наказания, не связанные с лишением свободы.

Европейский Суд считает законным такое лишение свободы, которое было осуществлено при наличии оснований, установленных национальным законодательством и п. 1 статьи 5 Конвенции и в порядке, установленном национальным законодательством с соблюдением требований пунктов 2-5 статьи 5 Конвенции, другие варианты считаются незаконным лишением свободы.

Например, в Постановлении Европейского Суда «По делу Абдулажон Исаков против России» (жалоба № 14049/08) от 8 июля 2010 года, где в жалобе по статье 5 п. 1 Конвенции заявитель указал, что «его содержание под стражей с целью экстрадиции было незаконным, так как оно не было основано на решении суда, и что решение суда о заключении под стражу не устанавливало каких-либо сроков содержания под стражей в нарушение соответствующих положений национального законодательства», Европейский Суд установил, что «национальная система не смогла защитить заявителя от произвольного содержания под стражей, которое не может рассматриваться в качестве «законного» для целей статьи 5 п. 1 Конвенции»¹.

В Постановлении Европейского Суда по делу «Дудин против России» (жалоба № 9673/09) от 3 апреля 2018 года, судом было отмечено, что «когда речь идет о «законности» содержания под стражей, включая вопрос о том, соблюдается ли «процедура, предусмотренная законом», Конвенция в основном адресуется к национальному законодательству, но также, когда это уместно, к другим применимым правовым стандартам, включая те, которые имеются в международном праве. Во всех случаях Суд устанавливает обязательство соблюдать материальные и процессуальные нормы соответствующих законов, но также требует, чтобы любое лишение свободы было совместимо с целью статьи 5 Конвенции, а именно, защитить человека от произвола»².

---

¹Абдулажон Исаков против России (AbdulazhonIsakov v. Russia): Постановление Европейского Суда по правам человека от 08 июля 2010 года (жалоба № 14049/08)<http://european-court.ru/tag/statya-5-konvencii/>

² Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Дудин против России» (жалоба № 9673/09) от 3 апреля 2018 года <http://prof->

Второй случай предусмотрен пп. «b» п.1 ст. 5 Конвенции: «законный арест или задержание лица за невыполнение законного постановления суда или в целях обеспечения выполнения какого-либо обязательства, предписанного законом» относится к таким разрешенным типам задержания, как обеспечение явки в судебное заседание свидетеля, прохождение теста на установление отцовства и психиатрическое освидетельствование. На практике заключение под стражу с целью принуждения лица исполнить обязательство, предписанное законом, в случае широкого толкования может породить определённые проблемы. «Обеспечения выполнения какого-либо обязательства, предписанного законом» относится только к ситуациям, когда закон разрешает задержание лица, с целью заставить его выполнить особое и конкретное обязательство, которое оно до этого момента выполнить не смогло. Как только будет исполнено обязательство, основание заключения по стражу перестаёт существовать.

Третий случай ограничения права на личную свободу и неприкосновенность закреплён в пп. «с» п. 1 ст. 5 Конвенции: «законное задержание или заключение под стражу лица, произведённое с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения». Существует тесная связь между рассматриваемой формой лишения свободы и гарантиями, которые должны её сопровождать, исходя из этого возникает необходимость задержанного предстать перед судом с целью рассмотрения вопроса о лишении свободы или вынесения решения, по существу. Для лишения свободы с этой целью необходимы серьёзные основания. Европейская Конвенция предусматривает, что только обоснованное подозрение лица в совершении правонарушения может оправдать лишение свободы. Поэтому обоснованность подозрений является существенным элементом защиты от произвольного лишения свободы. Заключение под стражу не должно быть общим правилом, освобождение должно быть возможным при предоставлении разумных гарантий являться в суд, из этого вытекает презумпция оставления обвиняемого на свободе, с досудебным надзором.

В Постановление Европейского Суда по делу «Попов против России» (жалоба № 32013/07) от 19 июля 2016 г., судом было установлено нарушение п. 1 ст. 5 Европейской Конвенции в связи с незаконным содержанием Попова Б.А. под стражей в отделении полиции, а также в связи с отказом национальных судов в предоставлении компенсации за соответствующее нарушение.

Европейский Суд отметил, что «различие между лишением свободы и ограничением свободы является лишь различием степени или интенсивности, а не природы или сущности... Защита от произвольного задержания, закреплённая в пункте 1 статье 5 Конвенции, применяется к лишению свободы любой продолжительности, сколь бы кратковременным оно ни было» (п. 19 постановления)¹.

Четвёртый случай ограничения права на личную свободу, закреплённый в пп. «d» п.1 ст. 5 Конвенции касается «заключения под стражу несовершеннолетнего лица на основании законного постановления для воспитательного надзора или его законное заключение под стражу, произведённое с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом», в ситуациях связанных с их безнадзорностью и совершением правонарушения. Для того чтобы заключение под стражу в целях воспитательного надзора соответствовало Европейской Конвенции оно должно приводить к эффективному применению воспитательного режима путем помещения несовершеннолетнего лица в специализированную среду, открытую или закрытую. При этом содержание несовершеннолетнего лица под стражей до суда должно применяться лишь в качестве крайней меры и в течение кратчайшего периода времени, по возможности заменяться альтернативными мерами.

Пятым случаем, закреплённым в пп. «e» п. 1 ст. 5 Конвенции, является заключение под стражу в рамках социальной защиты «с целью предотвращения распространения инфекционных заболеваний». Статьей предусмотрено «законное заключение под стражу душевнобольных, алкоголиков, наркоманов или бродяг». Лишение свободы социально неадаптированных лиц оправдывается защитой от них же самих. Помещение в психиатрическую больницу может быть оправдано если убедительно доказано, что лицо действительно является душевнобольным, за исключением случаев крайней необходимости.

В Постановлении Европейского Суда по делу «Х. Против России» (жалоба № 3150/15) от 20 февраля 2018 года было указано, что «для содержания лица в психиатрической больнице необходима совокупность критериев. В настоящем деле был установлен лишь один критерий: медицинские показатели наличия психического отклонения у заявителя. Однако, отсутствовали доказательства того, что заявитель представлял опасность для других. Так, утверждение о том, что заявитель якобы преследовал подростка, не были ничем доказаны, полиция не предоставила ни одного документа в подтверждение данного утверждения, соответствующее расследование не было проведено. Суды также не проверили «наличие опасности для других» и базировали свое решение лишь на медицинских заключениях, в которых говорилось о

---

¹URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_282851/12fba8c2ee7df3330dcf1a6b85eea54f38bdf730/

раздражительности, но не об агрессии, словесной или физической. Желание одеваться как женщина не может являться доказательством существования «опасности для всех». Суд также отмечает, что не были представлены доказательства того, что освобождение заявителя из психиатрической больницы могло бы ухудшить его здоровье или быть опасным для других. Данный анализ позволяет Суду прийти к выводу о том, что существовало нарушение статьи 5 п. 1 Конвенции¹.

Шестой случай закреплён в пп. «f» п. 1 ст. 5 Конвенции заключение под стражу иностранца с целью его высылки или экстрадиции «с целью предотвращения его незаконного въезда в страну».

В решении Европейского Суда от 25 октября 2018 г.², по жалобе поданной против Российской Федерации гражданином Республики Узбекистан Нурматовым Х.Т., суд не усмотрел нарушений требований ст. 5 Конвенции в связи с содержанием заявителя в центре временного содержания иностранных граждан, признав действия властей России обоснованными и добросовестными.

Основными причинами обращения в Европейский Суд с жалобами к Российской Федерации является отсутствие оснований для задержания, ареста, продление содержания под стражей, недостаточность оснований либо недоказанность их наличия, а также отсутствия возможности оспорить арест, несоблюдение разумных сроков, нарушение процедуры задержания, неправомерное исчисление сроков с момента оформления документов, а не с момента фактического задержания.

Европейский Суд, рассматривая вопрос законности или незаконности лишения свободы анализирует четыре основных критерия. Во-первых, имелись ли в национальном законодательстве основания для лишения свободы. Во-вторых, имелись ли основания для лишения свободы с точки зрения статьи 5 Европейской Конвенции. В третьих, соблюден ли порядок лишения свободы, установленный национальным законодательством. И в четвертых, соблюден ли порядок лишения свободы, установленный ст. 5 Европейской Конвенции. Если на все эти вопросы суд получает положительный ответ, лишение свободы признаётся законным.

Задержание и арест трактуются Европейской Конвенцией и российским процессуальным законодательством по-разному. Правда, с точки зрения применения статьи 5 Конвенции это не имеет принципиального значения, поскольку, во-первых, и то, и другое – лишение свободы, во-вторых, нормы Конвенции вступают в силу с момента фактического лишения свободы, а не с момента оформления соответствующего процессуального документа.

Опираясь на практику своей работы, а также практику Европейского

---

¹ Постановление Европейского Суда по делу «X. Против России» (жалоба № 3150/15) от 20 февраля 2018 года <http://prof-sommer.ru/postanovlenie-evropeyskogo-suda-po-delu-h-protiv-rossii-zhaloba-no-315015-ot-20-fevralya-2018-goda>

²URL: <https://minjust.ru/ru/print/382524>

Суда по правам человека, Конституционный Суд Российской Федерации выработал определенные критерии ограничения законом основных прав, такие как: соразмерность ограничений конституционно признаваемым целям; сохранение существа и реального содержания права; ограничение или лишение права на свободу должно обеспечиваться судебным контролем гарантиями его справедливости и соразмерности. Ограничения прав должны быть соразмерны защищаемым Конституцией РФ ценностям и соблюдать баланс интересов общества и государства.

В Постановление от 22 марта 2018 года № 12-П/2018 п. 2, абз. 1, Конституционным Судом РФ отмечено, что: «Ограничения права на свободу и личную неприкосновенность возможны лишь в определенных Конституцией Российской Федерации целях, в установленном законом порядке, на основе критериев разумности и соразмерности»¹.

Недопустимо вмешательство государства в сферу индивидуальной свободы, которая в силу статьи 55 (часть 3) Конституции РФ может быть ограничена только в конституционно одобряемых целях, лишь в определенных, установленных федеральным законом случаях; при этом публичные интересы, перечисленные в данной статье, могут оправдать правовые ограничения прав и свобод, если эти ограничения отвечают требованиям справедливости, являются адекватными, соразмерными и необходимыми для защиты конституционно значимых ценностей (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 27 апреля 2001 года № 7-П, от 30 октября 2003 года № 15-П, от 22 марта 2005 года № 4-П, от 16 июня 2009 года № 9-П и др.).

Статья 5 «Право на свободу и личную неприкосновенность» Конвенции о защите прав человека и основных свобод, согласно которой никто не может быть лишен свободы иначе как в предусмотренных данной статьей случаях, относит к их числу заключение под стражу душевнобольных (подпункт «е» пункта 1). Ограничения права на свободу и личную неприкосновенность, закрепленное статьей 22 (часть 1) Конституции Российской Федерации, как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 21 мая 2013 года № 10-П, допустимы в случае наличия у лица психического расстройства, обуславливающего непосредственную опасность для него самого или для окружающих, о чем свидетельствует, в частности, совершение им общественно опасного деяния, содержащего совокупность объективных признаков преступления.

Как отмечал в своих решениях Конституционный Суд Российской Федерации, понятие «лишение свободы», имея по своему конституционноправовому смыслу автономное значение, охватывает собой любые вводимые в отраслевом законодательстве ограничения – будь то санкция за правонарушение или принудительные меры

---

¹URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision322395.pdf>

обеспечительного характера, если они фактически влекут лишение свободы, а потому они должны отвечать критериям правомерности, производным от предписаний статьи 22 Конституции Российской Федерации и статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, составляющих нормативную основу допустимого лишения свободы; тем самым гарантии права на свободу и личную неприкосновенность распространяются не только на непосредственно указанные в статье 22 (часть 2) Конституции Российской Федерации арест, заключение под стражу и содержание под стражей, которые допускаются только по судебному решению, но и на все другие виды лишения свободы (постановления от 16 июня 2009 года № 9-П, от 17 ноября 2016 года № 25-П и от 23 мая 2017 года № 14-П).

Законодательное регулирование сроков, на которые лицо ограничивается в праве на свободу и личную неприкосновенность, и порядка их продления является – во исполнение предписаний статей 1 (часть 1), 2, 15 (части 1 и 4), 17 (часть 1), 18, 19 (части 1 и 2), 21 (часть 1), 22, 46 (части 1 и 2) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации – обязательным элементом правового механизма, призванного обеспечить защиту от неправомерного, необоснованного и несоразмерного ограничения данного конституционного права.

Не менее интересна позиция Конституционного Суда РФ применительно к ограничениям связанными с различным видам профессиональной деятельности, с осуществлением публичных функций (включая муниципальную службу). В Постановлении № 8-П от 13 февраля 2020 г. «признал пункт 2 статьи 5 Федерального закона «О муниципальной службе в Российской Федерации» не противоречащим Конституции Российской Федерации в той мере, в какой содержащийся в нем принцип единства ограничений и обязательств при прохождении муниципальной службы и государственной гражданской службы по своему конституционноправовому смыслу в системной связи с иными положениями этого Федерального закона не предполагает расторжения трудового договора за несоблюдение предусмотренных законом ограничений и запретов, связанных с муниципальной службой, с муниципальным служащим, не указавшим при поступлении на муниципальную службу в анкете установленной формы сведения о судимости.

Специфика публичной службы предопределяет особый правовой статус государственных (муниципальных) служащих, включающий в себя права и обязанности государственных (муниципальных) служащих, а также налагаемые на них ограничения и запреты, связанные с государственной (муниципальной) службой, наличие которых компенсируется в том числе предоставляемыми им гарантиями и преимуществами. Гражданин, поступая на такого рода публичную службу, добровольно избирает профессиональную деятельность,

предполагающую наличие определенных запретов и ограничений, связанных с приобретаемым им правовым статусом. В силу этого введение особых правил поступления и прохождения государственной (муниципальной) службы и требований к избравшим ее лицам само по себе не может рассматриваться как нарушение прав, закрепленных статьями 32 (часть 4) и 37 (часть 1) Конституции Российской Федерации (постановления от 6 июня 1995 года № 7-П, от 30 июня 2011 года № 14-П, от 21 марта 2013 года № 6-П, от 21 марта 2014 года № 7-П, от 30 октября 2014 года № 26-П, от 8 декабря 2015 года № 31-П, от 29 ноября 2016 года № 26-П; определения от 1 декабря 1999 года № 219-О, от 3 октября 2002 года № 233-О и др.). Вместе с тем, устанавливая ограничения и запреты, связанные с государственной и муниципальной службой, а также определяя правовые последствия их несоблюдения лицами, поступающими на соответствующую службу, и государственными и муниципальными служащими, федеральный законодатель должен – помимо соблюдения таких конституционных принципов демократического правового государства, как приоритет прав и свобод человека и гражданина, справедливость, юридическое равенство, соразмерность устанавливаемых ограничений конституционно одобряемым целям (преамбула; статья 1, часть 1; статья 2; статья 19, часть 1; статья 55, часть 3, Конституции Российской Федерации), – следовать и предписаниям статьи 54 (часть 2) Конституции Российской Федерации, согласно которой юридическая ответственность может наступать только за те деяния, которые законом, действующим на момент их совершения, признаются правонарушениями.

Данное конституционное требование в широком смысле распространяется не только на отношения, связанные с установлением составов различных правонарушений и привлечением к юридической ответственности за их совершение, но и на отношения, предполагающие наступление для граждан любых неблагоприятных правовых последствий, имеющих публично-правовую природу. С этой точки зрения для лиц, осуществляющих профессиональную деятельность, связанную с осуществлением публичных функций (в том числе для муниципальных служащих), такого рода неблагоприятные правовые последствия несоблюдения ими ограничений и запретов, связанных с публичной службой соответствующего вида, могут наступать лишь в случае нарушения указанными лицами законодательных предписаний, адресованных непосредственно им.

Правовая позиция Конституционного Суда РФ заключается в том, что во-первых, ограничения конституционных прав должны быть необходимыми и соразмерными конституционно признаваемым целям таких ограничений; во-вторых, при допустимости ограничения того или иного права в соответствии с конституционно одобряемыми целями государство, обеспечивая баланс конституционно защищаемых ценностей

и интересов, должно использовать не чрезмерные, а только необходимые и строго обусловленные этими целями меры; в третьих, публичные интересы, перечисленные в ст. 55 (ч. 3) Конституции РФ, могут оправдать правовые ограничения прав и свобод, только если такие ограничения отвечают требованиям справедливости, являются соразмерными и необходимыми для защиты конституционно значимых ценностей, в том числе прав и законных интересов других лиц. Расширительное толкование оснований ответственности несовместимо с юридическим равенством и с принципом соразмерности устанавливаемых ограничений конституционно одобряемым целям (статья 19, часть 1; статья 55, часть 3, Конституции Российской Федерации) и тем самым ведет к нарушению прав и свобод человека и гражданина (Постановление от 13 июля 2010 года № 15-П, определения от 1 июня 2010 года № 841-О-П, от 7 декабря 2010 года № 1570-О-О и др.).

Признавая фундаментальное значение европейской системы защиты прав и свобод человека, частью которой являются постановления Европейского Суда по правам человека, Конституционный Суд Российской Федерации готов к поиску правомерного компромисса ради поддержания этой системы, оставляя за собой определение степени своей готовности к нему, поскольку границы компромисса в данном вопросе очерчивает именно Конституция Российской Федерации.

Список литературы:

1. Костылева (2016) – Костылева Е.Д. *Проблемы судебной защиты прав человека, обеспечивающих нравственно-духовную ценность личности, в Российской Федерации* // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. 2016. № 1. С.93-98.

2. Новикова, Дементьева, Костылева и др. (2019) – *Коеволюционный подход к окружающей среде и безопасности человека: показатели устойчивого развития* // Галина П. Новикова, Юлия В. Дементьева, Елена Д. Костылева, Ольга В. Антипова, Елена В. Спирина, Юрий М. Саранчук, Кадрия И. Сигбатова. Экологич. 2019. Т. 28. № 107. С. 4967-4972.

3. Костылева (2019) – Костылева Е.Д. *Соотношение позиций Конституционного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека по защите личных и политических прав* // Современный юрист. 2019. № 4 (29). С. 80-95.

References:

Kostyleva (2016) – *Kostyleva E.D. Problems of judicial protection of human rights, providing moral and spiritual value of the individual, in the Russian Federation* [Problemy sudebnoj zashchity prav cheloveka, obespechivayushchih нравственно-духовную ценность личности, в Российской Федерации]. Fundamental and applied research of the cooperative sector of the economy. 2016. № 1. Pp. 93-98.

Novikova, Dementyeva, Kostyleva, etc. (2019) – *Co-evolutionary approach to environment and person safety: sustainable development indicators* [Коеволюционный подход к окружающей среде и безопасности человека: показатели устойчивого развития] // Galina P. Novikova, Julia V. Dementieva, Elena D. Kostyleva, Olga V. Antipova, Elena

V. Spirina, Yuri M. Saranchuk, Kadria I. Sigbatova. *Ekoloji*. 2019. Vol. 28. № 107. P. 4967-4972

Kostyleva (2019) – *Kostyleva E.D. The ratio of the positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the European Court of Human Rights on the protection of personal and political rights* [Sootnoshenie pozicij Konstitucionnogo Suda RF i Evropejskogo Suda po pravam cheloveka po zashchite lichnyh i politicheskikh prav] // *Modern Lawyer*. 2019. № 4 (29). P. 80-95.